



Ольга
АРУНД

РАЗВОД

ПО ВОСКРЕСЕНСКОМУ

Ольга Арунд

Развод по Воскресенскому

«Автор»

2023

Арунд О.

Развод по Воскресенскому / О. Арунд — «Автор», 2023

Я не знала, что Никита Воскресенский не может выбросить меня из головы последние восемь лет. Не догадывалась, что занятия сына обернутся нашей случайной встречей. И даже не представляла, что бывший муж решит вернуться в самый неподходящий момент. Понять бы теперь чего хочу я сама и придумать как не выйти из этого треугольника проигравшей... Цикл "Братья Воскресенские", книга 1.

© Арунд О., 2023

© Автор, 2023

Содержание

Глава 1. Крис	5
Глава 2	8
Глава 3. Крис	11
Глава 4	15
Глава 5	19
Глава 6	23
Глава 7	27
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Ольга Арунд

Развод по Воскресенскому

Глава 1. Крис

Дети – цветы жизни, собрал букет – разведи по секциям. И раздай деньги заодно.

К счастью, мой букет состоит из одной нежной, ранимой и капец какой неустойчивой фиалки. Одного фиалки. Семилетнего такого, ростом мне по грудь, но всё равно нежного и ранимого.

Будь их таких хотя бы двое, недавний развод обошёлся бы гораздо дороже и мне, и мужу. *Бывшему* мужу. За почти три месяца можно бы уже и привыкнуть.

– Чеши, давай, Лилия Сергеевна уже ждёт!

– Долго ещё мне сюда ходить? – стонет Данька, но снимает сбитые кроссовки и заходит в логово репетитора по подготовке в школу.

– Дань, мы об этом уже говорили, – со вздохом виноватой матери. Виноватой в основном в том, что заниматься всей этой математикой и чтением может исключительно с допингом. – Походишь лето, потом посмотрим.

– А играть? – не сдаётся сын.

– А играть будешь дома! – раздражённо выдохнув. – Всё, иди, время.

Десять раз оглянувшись, Данька всё же заходит в квартиру логопеда/репетитора, а я закрываю за ним дверь. Супер, у меня есть сорок минут на придумать полезный пост, который вечером выложить бы в группу. И ещё в две другие, пока меня не попёрли и с этой работы.

Если можно назвать работой администрирование трёх фирм в соцсетях.

Ладно, хоть Саша оказался не полным козлом после своего «Нам надо расстаться» и ответственно продолжил спонсировать собственного сына. Вопрос надолго ли, если его новые отношения выгорят, и восемнадцатилетняя нимфа раскрутит моего мужа... Бывшего!.. на новую поездку в ЗАГС.

А, значит, что? А, значит, безработной все восемь лет брака мне нужна нормальная работа со штампом в трудовой. Фриланс может остаться и на подработке.

Выдохнув, с большим желанием то ли пореветь, то ли побиться головой об стену, я захожу в лифт. Новенький, красивый и зеркальный. Лифт в новом двадцатипятиэтажном доме, где цена на квартиру на этапе котлована начиналась от пяти миллионов. Ох, не ту я выбрала профессию, ох, не ту... надо было в репетиторы идти, сейчас бы даже не заморачивалась со своим древним юридическим дипломом.

И без мужа, да.

На двадцать третьем этаже стабильно закладывает уши, а на двадцатом лифт решает подобрать пассажиров. Шагнув дальше от кнопок, больше похожих на пункт управления космическим кораблём, я освобождаю место для вновь прибывших. И не ожидаю, что высокий, симпатичный и странно знакомый мужчина затормозит прямо на пороге, не давая умным дверям закрыться.

Изучая меня внимательным, цепким и недоверчивым взглядом.

– Кристина?

Что-то такое мелькает на задворках сознания, но что именно не вспомнить.

– Я...

– Батманова Кристина? Сашина жена? – уточняет мужик, заставив меня поморщиться. Бывшая жена.

– Да, а вы?..

– Ник... Никита. Воскресенский. – Он, наконец, заходит, не глядя нажимает кнопку закрытия дверей. – Мы встречались раза два или три на дне рождения у Кота... в смысле у Кости.

– Никита? Вы брат Кости, да? – Вспышкой озарения проносится парень, который лучезарно улыбался мне два дня рождения подряд.

Тогда, почти восемь лет назад парень, сейчас же вполне себе привлекательный мужчина.

– Родной, – довольно щурится Никита. – Давай на «ты»? – И тут же без перехода: – Какими судьбами в нашем болоте? – Он кивает на зеркальный лифт.

– У Даньки... у сына здесь репетитор, готовятся к школе.

Хорошее болото, всем бы такое.

– Репетитор дело полезное, мне такого раньше и стал бы серьёзным человеком, – Никита улыбается настолько открыто и заразительно, что губы сами растягиваются в ответной улыбке. – Тебя Саша ждёт?

Давно уже не ждёт. Перестал после того, как молоденькая амбициозная секретарша решила присвоить себе собственного начальника.

– Нет, не ждёт... мы в разводе.

Не знаю, зачем это сказала. Вырвалось.

Просто не хотелось, чтобы тот, кто много лет назад не дал наивной девчонке затеряться в чужой компании, говорил о Саше. Которому Костя, кстати, хороший друг, и кто его знает какое у него сейчас мнение обо мне и нашем расставании.

– Прости, я не знал, – хмурится Никита.

Двери лифта медленно разъезжаются в стороны.

– Не страшно, даже из друзей ещё не все в курсе.

А это зачем сказала? Рано, ой рано мне общаться с малознакомыми мужчинами.

Видимо, не рискуя больше задавать вопросы, он молча открывает передо мной сначала дверь подъезда, а потом и тамбура.

После полумрака и прохлады кондиционера, майская жара оглушает, солнцем сжигает глаза и остатки защитного крема на руках. Даньке повезло больше, кожа досталась от отца, тот и в палящей Турции никогда не сгорал, сразу покрывался красивым бронзовым загаром. В отличие от меня, нервно мажущейся с ног до головы после каждого купания.

– Ладно, я пойду...

– Может, кофе?

Рука, которая до этого надевала тёмные очки, вздрагивает, и я отвечаю, только полностью скрыв глаза за дымчатыми стёклами.

– Кофе?

– Ну, да, – легко пожимает он плечами. – Тебе ждать ещё сколько? Минут тридцать?

– Сорок.

– Тем более, а я сегодня никуда не тороплюсь. – У Никиты в арсенале находится ещё одна улыбка, лёгкая и светлая настолько, что можно и засмотреться. Хотя, скорее, сказывается трёхмесячное воздержание. – Похвастаюсь ремонтом, как раз только закончили, а тебе потом просто подняться на несколько этажей. Идём?

– Не уверена, что это удобно, я хотела на детской площадке подождать...

– На площадке, это где сейчас за тридцать шпарит? – весело фыркает Никита и, едва приобняв меня за талию, возвращает в тамбур между двумя пластиковыми дверями. – Так можно до удара досидеться, а мне нужен кто-то, кому я смогу пожаловаться на строителей. Все бегут, стоит об этом заикнуться.

– Прямо бегут? – хмыкаю я, понимая, что он победил.

Сидеть на солнцепёке и правда не хочется, а ближайшая кафешка в двадцати минутах ходьбы.

– Роня тапки, – серьёзно кивает Никита, а в глазах смешинки. – Хоть опробуем новую кофемашину, а то я всё больше по чаю...

И вот мы снова у лифта, но если пару минут назад между нами не существовало особой неловкости, то теперь я опасаюсь снимать солнцезащитные очки. Потому что впервые за много лет иду в гости к мужчине на «попить кофе». Откровенно говоря, иду вообще впервые, потому что муж... бывший! ... успел перехватить меня очень рано, гораздо раньше возраста вот таких предложений.

– На каком у вас репетитор? – Никита нажимает кнопку с числом двадцать, продолжая смотреть на меня.

– На двадцать шестом. – Переложив сумку из руки в руку.

– Пентхаус, – веселится Никита, а у меня это болезненная тема.

Не то чтобы мне жаль денег, но ценник у нашей прелестной репетиторши приравнивается к столичному.

– Может себе позволить, – с улыбкой хмыкаю в ответ. – А ты давно переехал?

– Пару недель. – Беспокоит меня этот его улыбочивый взгляд. – Квартиру купил пару лет назад, но пока ремонт, пока мебель... не заметил, как прошло столько времени.

– И всё-таки, мне кажется, я нарушила твои планы, – качаю головой, слыша мелодичный перезвон лифта.

– Кри-ис... тина! Всё супер, никаких планов. Честно! – Прикладывает он руку к сердцу, которое точно есть где-то под светлой поло. – Считаю, что это не я, а ты мне помогаешь – кофемашину-то надо проверить, пока гарантия не вышла.

– Ну, раз гарантия, – смеюсь я и выхожу вслед за ним из лифта.

Такой же, как у репетиторши коридор, такие же двери. Общежитие напоминает, но такое... люксовое. У двух дверей детские скамеечки и полки для обуви, всё красиво и благо-родно.

– А ты сам не женился? – За восемь лет мог и успеть. – Приду сейчас в гости, а тебе вечером будут сковородкой угрожать...

– Некому угрожать. – Открывший дверь Никита окидывает меня нечитаемым взглядом, от которого внезапные мурашки по спине. – Добро пожаловать в моё холостяцкое жилище, – снова весело и ненапряжно отзывается он, приглашающе распахнув дверь.

Глава 2

Растерянность, неверие, восторг? Всё вместе и помноженное на десять, потому что даже в самом сладком сне я не представлял её, сидящей на моей кухне. Ту самую девушку, в которую влип, кажется, с первого взгляда золотистых карих глаз. Вот только тогда она была чужой девушкой, а потом и чужой женой, а сейчас...

А сейчас, после короткой экскурсии по квартире, я пою её кофе на собственной кухне.

– Уже можно сказать, что растворимый мне нравится больше? – весело шуруется Кристина, отставляя кружку.

– Тебе можно всё.

И вроде звучит весело, но её пальцы чуть сильнее сжимают ручку. Напряжённее. Явно не ожидая, что незнакомый, по сути, мужик станет кидаться на неё с намёками и приставаниями.

А я стану?

После стольких холостяцких лет? После бесконечных «Когда остепенишься?» от родителей и брата? После остановки сердца, стоило уловить, похожий на её, аромат парфюма? После подвисания каждый раз, стоило увидеть девушку схожих роста и цвета волос? После регулярного «Кот, как там твой Саша с женой? Кажется, Кристиной?»

Если у кого ещё остались глупые вопросы, то я в их число не вхожу.

Особенно когда мечта вдруг становится реальностью, а сидящая передо мной девушка оказывается незамужней.

И всё, вентили, которые я закручивал эти годы, срывает на фиг без права восстановления.

– Крис... – На выдохе, разворачивая её к себе вместе со стулом и придвигая между своих ног.

Заклинивает намертво, потому что пробовал избавляться, заводил серьёзные и не только отношения, но ни черта не помогло. Всё это каждый раз разбивалось о воспоминание о тёплой улыбке и искристом взгляде её глаз.

– Крис, пошли на свидание?

– С ума сошёл? – фыркает она и явно собирается перевести всё в шутку, но какие уж тут шутки.

– Давно уже, – улыбаюсь, а насмотреться на неё не могу. – Лет восемь. Как тебя увидел, так сразу рехнулся.

– Бред! – раздражается Крис и собирается уйти, но я удерживаю её за запястья. – Отпусти.

– Ты же идеальная, Крис. – Всегда мечтал ей это сказать. – Я пытался найти хоть кого-то похожего, но всё мимо. Всё не то и не так, а ты... Крис, пошли в кино?

– А за косички не подёргаешь? – ехидничает она, но я-то вижу. И растерянность вижу, и смущение, и даже опаску.

Словно с той самой давней встречи все мои локаторы настроились на неё, одноразово и насовсем.

– Нет, не буду дёргать, – коротко тряхнув головой. – Так что?

– Плохая была идея с кофе, – хмурится Крис.

И вздрагивает, когда тыльной стороной ладони, легко и нежно я поднимаюсь от её запястья до локтя. Кожа вмиг покрывается мурашками, а я просто поднимаю взгляд. И тону в самых невероятных в своей жизни глазах.

Секунда, другая, в моей голове фейерверки и полный неадекват, но это в моей...

– Мне пора.

Схватив с барной стойки очки и телефон, Крис идёт в прихожую. Сбегает.

И что? Вот так взять и отпустить?

Всё, что только есть внутри меня требует схватить в охапку и как минимум поцеловать, но... но у неё ребёнок, недавний развод и никакого ко мне доверия. Слишком хреновые исходные для долго и счастливо. Поэтому я молча смотрю, как она застёгивает босоножки на низком каблуке.

И выкидываю из головы все мысли, которые пришли во время показа спальни.

– И всё-таки свидание? – пробую наудачу, и Крис, явно чувствуя себя в безопасности рядом с выходом, реагирует гораздо спокойнее.

– У меня сын.

В смысле это аргумент против?

– Возьмём с собой. – Вот уж с кем, а с детьми у меня никогда не возникало проблем. – Крис, ты же меня знаешь. Я не маньяк, не убийца, не козёл, да и ты всегда можешь пожаловаться Косте. Что мешает?

Один, убивший меня наповал, недоверчивый взгляд из-под ресниц. Одно твёрдое: «Я не хочу». И один хлопок двери, отделивший меня от девушки моей мечты.

– Ник, играешь сегодня? – Игорёха, второй тренер, открывает дверцу своего шкафчика.

– Не, сегодня без меня. – Я наклоняюсь и завязываю бутсы. И не могу сдержать довольную улыбку.

– Что, очередную кралю зацепил? – коротко хохотнув, стягивает с себя футболку Игорёха. – Везёт тебе, Никитос, ни жены, ни детей, хоть каждую ночь новую води.

Ага, как утопленнику везёт, но ничего. Кот уже получил втык во все места, куда я дотянулся. В основном за дезу о том, что у Батмановых тишь, гладь и семейная благодать. Подумать только, уже три месяца я мог неторопливо и с удовольствием соблазнять одну упрямую, но идеальную мечту!

Кот охренел, конечно, от моих планов и за друга обиделся, но куда ему лечиться под танк имени меня.

– Везёт, – хмыкаю в ответ, беру мяч и выхожу на поле.

Тренировка, отработки, пасы. Час проходит за секунду и, отдыхаясь, ибо побегать всё-таки пришлось, я выхожу в коридор футбольного манежа. Вода внутрь не помогает по такой жаре, и, предчувствуя ещё час тренировки, я выливаю на голову полбутылки разом. Отфыркиваясь, отбрасываю отросшие, всё никак не соберусь постричься, волосы назад, поднимаю глаза и...

Да не может этого быть!

Каменею, пока сзади Игорёха не пихает в спину, предлагая не стоять в проходе.

– Чё стоим, Никитос! – И проходит дальше, до автомата со всякой дрянью.

Тоже мне, футбольный тренер, пример для подрастающего поколения! Хмыкнув, я возвращаюсь к Кристине. Действительно, к ней, меня не глючит, как подумалось сначала – она стоит у скамеек вполоборота в футболке, джинсовом сарафане и белых кедах. И кажется совсем ещё девчонкой, несмотря на почти взрослого сына и до фига лет брака. А рядом с ней тот самый сын, Данька – светловолосый, со взъерошенной длинной шевелюрой, необычно длинный и серьёзный для своих лет.

Да нет, не может мне так повезти.

– Игорёха. – Подхожу к нему, не отводя взгляда от Крис. Кажется, что стоит отвлечься на секунду, и она исчезнет как мираж. – К нам там новенькие не должны сегодня прийти?

– А хрен его знает, – подопнув автомат, чтобы вывалилась шоколадка, хмыкает тот. – Я звонил перед тренировкой Серёге, тот сказал, трое обещались, но он каждый раз что-то в этом роде говорит.

– М-м. – Крис улыбается, легко ерошит и так непослушные волосы сына и что-то ему говорит.

– Никитос, ты чё? Ник, ау...

– Понятно всё с вами. – Хлопнув Игорёху по плечу, я разворачиваюсь и беру разгон прямо к Крис.

Глава 3. Крис

– Дань, ты сам сюда просился, так имей совесть хотя бы попробовать.

Нет, понятно, я сама в своё время испугалась и не пошла пробоваться в музыкальную школу, но это было двадцать лет назад, дети сейчас другие.

– Ладно, – делает одолжение тот и отвлекается на раскручивание болтов у скамьи.

Капитальных болтов, их явно не одно поколение раскручивает. Вздохнув, я разворачиваюсь к входу на поле и вздрагиваю, упёршись взглядом в футболку, прилипшую к чужому телу. Стопроцентно мужскому.

– Привет, Крис, – голосом довольного котяры отзывается Никита Воскресенский, мой внезапный поклонник.

И головная боль последних двух дней.

– Ты откуда здесь? – спрашиваю я и морщусь, слыша в собственном голосе испуг.

Да, милая, разучилась ты общаться с мужиками. Забыла, что это такое, поэтому и дёргаешься теперь от каждого движения.

– Я тренер. – Продолжая смотреть только на меня, он тыкает пальцем в наклейку на футболке. Действительно, тренер. Вот же угораздило. – А вы?..

– Данил захотел попробовать. – Некрасиво переводить стрелки на ребёнка, но здесь безвыходное положение. Незаметно вытерев вспотевшие ладони о сарафан, я поворачиваюсь. – Дань, иди сюда.

– Ну, заче-е-м? – ноет моё чудо чудное, но делает два шага, шаркая кроссовками. – Что?

– Познакомься, это Никита...

Так, а на наклейке написано отчество?

– Александрович, – не перестаёт улыбаться тот. – Привет, Данил, я буду твоим тренером.

– Здравствуйте, – без особого уважения бурчит Данька и скашивает глаза на недокрученные болты.

– Любишь бегать? – Тем временем обращается к нему Воскресенский.

– Нет.

Серьёзно?

Измучённо подняв брови, я перевожу взгляд на сына. То есть бегать он не любит, а на дорожку полчаса назад чуть не выскочила, наверное, я.

– Может, тогда футбол? – не сдаётся Никита, глядя на Даньку с возросшим интересом.

– Не-е, – тянет моё чудо, отвлекаясь на рассматривание автомата с едой. – Не очень.

– Тогда что любишь? – Весело приподнимает светлую бровь Никита.

И становится вдруг неадекватно впечатляющим, для моего взгляда уж точно. Сразу замечается белая футболка, всё ещё мокрая и прилипшая к крепким плечам и груди. И сильные натренированные ноги. И хулиганские зелёные глаза, перехватившие мой оценивающий взгляд.

Упс.

Нет, три месяца это много, пора забыть мужа, который с радостью стал бывшим и хотя бы вещи его довыбрасывать.

– Конструктор, – ответ убивает наповал нас обоих, заставляет обратить всё внимание на ребёнка.

– Конструктор? – переспрашивает Никита, который такими темпами Данькиным тренером может и не стать.

– Конструктор, – повторяет сын и смотрит на него по-взрослому расчётливо. – Он дорогой, а у футболистов много денег, а мама теперь одна. Поэтому я стану футболистом и куплю себе весь конструктор на свете.

Три, два, один. Тыдыщ.

Это в моей голове взрывается баллончик с краской, заливая лицо, шею, уши и, кажется, всю меня краснотой. Нехорошей такой, горячей на щеках лесным пожаром.

– Даня! – пытаюсь я образумить сына, но куда там.

Он же взрослый. Они в семь теперь все взрослые.

– Хм, – давит смешок Никита. – Классная цель, мне нравится. – И протягивает Даньке руку, которую тот со всей серьёзностью пожимает на фоне всё ещё пунцовой меня.

– Так-то ему нравится бегать, – зачем-то оправдываюсь, – просто Данька...

– Просто Данька настоящий мужик, да? – И настоящий мужик вдруг улыбается во все двадцать восемь без двух передних зубов и согласно бьёт по подставленной пятерне. Боже, что тут вообще происходит? – Да. Крис, ты как, хочешь посмотреть на своего защитника? – И прямой смущающий взгляд.

– Защитника? – сбиваюсь с мысли.

– Конечно, защитника, как минимум от трат на конструктор. – Пока я думаю, Никита оборачивается и зовёт во всю мощь лёгких: – Игорь!

– Чего? – От того самого автомата отделяется второй, видимо, тренер, и вальяжно идёт к нам.

– Проводи Данила в раздевалку, пусть переодевается. – И Даньке: – Это Игорь Валерьевич, он всё тебе покажет. Давай иди, а через десять минут жду на поле.

– Дань? – зову я шагнувшего было сына.

И он возвращается, крепко обнимает меня за талию, на мгновение прижавшись щекой к груди и, забрав рюкзак, следует за Игорем Валерьевичем.

– Так что, идёшь смотреть? – склоняет голову к плечу Никита, и мне вдруг становится жарко. От его пристального взгляда. От желания опустить глаза. От атмосферы, что готова вспыхнуть от малейшей искры. – Организую тебе вип-место на банке.

– Банке?

– Увидишь, – многообещающе улыбается Воскресенский и, едва касаясь моей талии, направляет в нужную сторону.

Банка оказывается удобным рядом полноценных кресел под прозрачным капюшоном. Оргстекло не мешает почувствовать себя букашкой у подножия огромных высоченных трибун, поднимающихся до самой крыши футбольного манежа. Данька уже стоит в шеренге примерно таких же по возрасту мальчишек и внимательно слушает тренера. Никиту.

Того самого Никиту, который внаглую называет меня «Крис», зовёт на свидание и зажимает в тёмном переходе между холлом манежа и, собственно, выходом на поле.

Или не зажимает?

Чтоб вас всех!

Растерянно взъерошив волосы, я смотрю только на Даньку. Я же мать, в конце концов!

И точно на Даньку, а не на командующего что-то Воскресенского, после чего все они разворачиваются и готовятся, видимо, к бегу. И сам Никита готовится, махнув рукой второму тренеру, дунув в свисток и побежав первым, задавая мальчишкам темп.

Но это всё мои предположения, что там на самом деле происходит отсюда не слышно. А вот то, как Воскресенский на одно дурацкое мгновение прижал меня ближе, показывая, где и что у них на поле, предположением не было. И разом охватившие меня робость, слабость и смущение тоже не показались.

Хуже того, и каменный пресс, который я случайно задела рукой, отстраняясь, имелся в наличии.

Поймав себя на разглядывании бегущего Никиты, я нервно отвожу глаза. Туда, где, кроме ворот, травы и сброшенного инвентаря нет ничего, но дурацкое подсознание всё возвращает в момент, который и объятием-то не назовёшь.

И это его сумасшедшее: «Ты же идеальная, Крис!», не помогало ни разу. Наоборот, вызывало мурашки, заставляло подниматься волоски на руках, и – чёртов Воскресенский! – плотнее сжать ноги. Я, может, и мать, но три месяца без секса доведут кого угодно.

Особенно, на фоне прошлой и почти ежедневной половой жизни.

И предательская мыслишка так и просится наружу, предлагает, сманивает, уговаривает, что Никита не так и плох. Для любовника так вообще шикарен, и в первую очередь тем, что очень правильно воспринимает Даньку. Потому что, подлизывающийся к сыну любовницы, мужик это пошло, а полного игнора со стороны партнёра я бы не перенесла.

И если первое его предложение сходить на свидание напугало, то сейчас мысли пошли по другому руслу.

А если и правда?..

– Не скучаешь? – Я вздрагиваю и перевожу взгляд на героя своих размышлений. – Напугал? Прости, я думал, ты меня слышала.

– Отвлеклась, – улыбаюсь растеряннo, неудобно задираю голову. – А ты уже всё? – Я киваю на разминающихся мальчишек.

– Нет, просто решил проверить как ты. – Лукаво улыбаясь, Воскресенский присаживается передо мной на корточки. – Так как ты, Крис?

Мы всё ещё об удобстве?

Нет, шее разом становится легче, не приходится больше задирать голову, но вот всему остальному... Шальная и многообещающая улыбка Воскресенского наводит на около постельные мысли и, нервно сжав колени, я выпрямляюсь на стуле.

– Прекрасно, мне не скучно. – Особенно в его потряхивающей компании. – Как Данька? Справляется?

– Пока сложно судить, – легко пожимает плечами Никита. – Недели две-три на привыкание, а там посмотрим. Ты же не переведёшь его отсюда только потому, что я его тренер?

Смысл вопроса доходит до воспалённого сознания не сразу.

– При чём здесь ты? – недовольно хмурюсь я в ответ.

– Ну, как...

Его взгляд о-очень медленно скользит по моим ногам, от кроссовок и выше до самого края джинсового сарафана, действуя на меня не хуже откровенных прикосновений. И, не выдержав, я кладу руки на колени, чтобы прижать и так облегающий подол.

– Я же звал тебя на свидание, а ты отказала.

– Этот вопрос мы уже решили, и Данька никак к нему не относится.

Ещё бы самой в это поверить, потому что менять секцию, несмотря на все свои дёрганья, хочется всё меньше. И всё больше хочется удивить наглые глаза Воскресенского.

– А если позову ещё раз?

От встречи взглядов прикусываю губу. И дёргаюсь, когда его ладонь лаской проходит по моей щиколотке. Я даже пискнуть не успеваю, а гипнотизирующий меня Воскресенский поднимает ладонь на уровень своего лица.

– Травинка.

И между его большим и указательным пальцем действительно зажата зелёная и сочная травинка, но куда там, если в моей голове он – бросающий меня на мою же кровать.

– Свидание? – кажется, уловив настроение, меняется Никита.

– Нет, – я упрямо трясую головой в ответ.

В основном для того, чтобы избавиться от картинки, где я снимаю с него эту дурацкую футболку.

– Совсем нет? – На этот раз никакой травинки на мне точно нет, и широкая ладонь, не скрываясь, поднимается выше, по голени, покрывая всю меня предательскими мурашками.

«Совсем нет?», – вопит дурацкое подсознание, и горячая маета внизу живота ему только подыгрывает.

И я не могу отказать. Твёрдо и уверенно точно не могу.

– Ник! – раздаётся громовое и недовольное с середины поля, заставляет Воскресенского на мгновение прикрыть глаза. А в следующую секунду передо мной снова вполне себе дружеский и насмешливый тренер.

– Иду! – отзывается Никита, после чего встаёт, и действительно, возвращается к мальчишкам.

А я даже самой себе не могу признаться, что жалею об отсутствии его ладони.

Глава 4

Тренировка проходит активно, и даже Данька, по впечатлению Игорёхи необщительный и растерянный, вполне себе вписывается в компанию. Парни не провоцируют новенького ни словесно, ни физически, хотя может это потому, что я почти всё время за ним слежу.

Компенсирую, что не могу смотреть на Крис.

Хотя хочется с такой силой, что приходится вместе с парнями и разминаться, и упражняться, и растягиваться. На третьей по счёту тренировке за сегодня это даром не сдалось, но нагрузка хотя бы минимально снимает напряжение с других частей тела. Особенно, после её «нет» и голимого секса в тёплых карих глазах.

И пожара в руке, что всё ещё помнит прикосновение к обнажённой и бархатистой коже.

Волнующая судорога проходит по телу, и я снова впрягаюсь, вместе с парнями выполняю координационную лестницу и едва не наверхувшись на последней ступени. Игорёха недовольно качает головой, но молчит. Сейчас молчит, а сколько он строчил писем начальству, когда меня, футболиста-любителя поставили ему в пару! Но ничего, привыкли, сработались, в какой-то степени даже сдружились.

Хотя, может, он оттаял только потому, что я получил спец диплом и теперь можно было не контролировать каждый шаг придурка-недоучки.

Можно было до этой тренировки, потому что ещё две запинки не ускользают от внимательного, даже несмотря на рыхловатый вид, Игорёхи.

– Я думал, знойные мамочки мешают только разнеженным сынкам, – начинает он, когда я встаю рядом, смотря как парни перепинываются мячом, – но, оказывается, тренерам тоже мешают...

– А в бубен? – Вот вообще без смеха.

Потому что вместо яркого и безоблачного будущего с Крис я получаю отказ за отказом. Пока получаю, умом прекрасно понимая, что не время, не место и в целом подготовиться бы получше, но её образ так давно пробил всю мою защиту, что бесполезно. Хочется взять, перекинуть через плечо и уволочь в пещеру, чтобы больше никто и никогда...

Вру.

Какое там плечо, если в отбитом мозге столько восторга, что и коснуться страшно. Сам не знаю, как не кончился весь и разом, когда ладонь легла поверх маленькой идеальной ножки.

– Я сам тебе в бубен дам, если мозги не включишь, – кривится Игорёха, окрикнув Ивана. Чтoб не напирал и не зарывался, пока работает в паре с Данькой. – С каких пор тебя так контузит от стройных ног и миловидной мордашки?

– Это не просто ноги и мордашка. – Один раз можно, и я всё же оглядываюсь. Чтoбы вдруг поймать её взгляд даже через четверть поля. – Это Крис.

– Поплыл мужик, – недовольно крикает тот, махнув на меня рукой. – И давно это с тобой?

– Давно, – возвращаюсь я в реальность. Короткий свист, и парни замирают. – Хорошо, молодцы! А теперь...

– И как тебе новенький?

Часом спустя душ выходит совсем быстрым, и я натягиваю футболку на влажное ещё тело. Не замёрзну, зато могу попробовать перехватить Крис на выходе из манежа.

– Любимчика нашёл? – презрительно фыркает Игорёха.

Он никогда особо не намывался, предпочитая общему душу родную ванную, вот и сейчас обёрнутое вокруг бёдер полотенце не прячет ни тещины блины, ни домашние борщи.

– Хоть раз находил? – Металлическая дверца шкафчика хлопает резче, чем надо, но чёрта с два я против. Жаль только, что с такими разговорами Крис точно не догнать. – Есть претензии?

– Да ладно тебе, Никитос, – идёт на попятную Игорёха, правда, с присущей ему ленцой. – Ты бы поаккуратнее с этими мамашами, потом греха не оберёшься.

– Закрыл бы ты рот, Игорь Валерьевич, пока не прилетело.

Бесит!

Вот так и батрачь ни за что, чтобы потом ловить такие заявления. Охренеть просто. И от кого! От Игорёхи, который работал со мной все эти годы.

– Да ладно тебе, Ник. – Он встаёт, чтобы хлопнуть здоровенной ладонью по моему плечу. – Ну, переборщил... так это я просто завидую.

– Чему? – мрачно усмехаюсь в ответ. – Адреналина не хватает? Или думаешь весело сохнуть по замужней девушке?

– Так она ещё и... – протяжно присвистывает Игорёха.

– Уже нет. Пока.

Подхватив со скамьи спортивную сумку, я иду к двери.

– А парнишка ничего такой, – догоняет меня уже на выходе из раздевалки, – вдумчивый, серьёзный. Если ещё и бить по мячу научится, цены не будет.

Это оправдание? Если так, то оно не работает – хмыкнув в ответ, я захлопываю за собой дверь раздевалки.

И оказываюсь в шуме, веселье и бесконтрольности мальчишеской возни. Той самой, где двадцать три парня от семи до одиннадцати уже переоделись, но почему-то всё ещё здесь. Не разобранные родителями, после тренировки они братаются, спорят и тыкаются в телефоны друг друга.

Всё как у взрослых, только мальчишкам не обязательно ещё делать презентабельные виды и прикидываться.

– Никит, всё нормально? – басит из-за плеча Ванькин отец. – Мой опять огрёб? Привет, кстати.

– Не огрёб, – фыркаю в ответ и пожимаю медвежьей ладонь приятеля. – Нормально всё, Паш. Или думаешь, я с твоим бандитом не справлюсь?

– Ты-то? Только ты и справишься, – коротко усмехается тот и скрывается в толпе, чтобы выцарапать главного хулигана команды из лап друзей.

А со следующим шагом до меня, наконец, доходит причина всеобщей толкучки – на улице, барабана по крышам и скатам манежа, хлещет ливень. Тот, что обещали последние дней пять, но не срасталось, так что сегодня никто в него уже не верил.

Потому и не торопились обычно занятые родители – мало кому захочется добровольно подставиться под ведро льющейся сверху воды даже если парковка в двух шагах.

– Никита Александрович, а как там Сашечка? – Только услышав голос, я едва не сигаю под дождь, но вовремя затормаживаю. – Он сегодня какой-то бледный был.

Крепись, мужик, трусы не играют в тренеров.

– Мария Васильевна, – имя-отчество вязнет на зубах хуже советских ирисок, – не стоит беспокоиться, Саша прекрасно потренировался.

– И не устал?

Мария Васильевна – беспокойная, двадцати с небольшим летняя девица офигительно фигуристой наружности, от которой все мы, от охраны до взрослых футболистов, поначалу мыли пол слюнями. Поначалу, пока не оказалось, что девица прилипчивая до тошноты и настолько же озабоченная благополучием своего Сашеньки. И вот это всё «Не устал ли Сашенька?», «Сашенька какой-то бледненький!» и «Не напрягайте сегодня Сашеньку!» сопровождало меня последние месяцы восемь.

И пол мы всем тренерским составом мыли уже не слюнями, а горячими мужскими слезами.

Ибо Марии Васильевне в нужное время никто не додумался объяснить, что каждый мужчина – это случайно выживший мальчик. И теперь за упитанного для восьми лет Сашеньку огребают все и разом.

– Это лучше спросить у него, – давя вздох, отзываюсь я.

– А как вы считаете, красные бутсы не делают его слишком агрессивным на поле? – Твою же! – Может, их лучше сменить на зелёные? Сашенька и так слишком нервный, а зелёный цвет успокаивает...

Шаря по холлу в поисках спасения, я натываюсь взглядом на Крис. Одной рукой она приобнимает Даньку за плечи, второй шутливо натягивает капюшон ветровки на чёрно-красную кепку.

Радоваться? Хрена с два! Это она что сейчас, в одном своём сарафане под дождь собралась?

– Как скажете, Мария Васильевна, всего доброго.

Чёрт! Протиснуться через толпу веселящихся парней я уже не успеваю и внаглую пользуюсь запрещённым приёмом:

– Данил!

Ещё не отошедший от тренировки, Данька резко тормозит и вытягивается.

Молодец, пацан, сразу понял, что тренера игнорировать нельзя. А то ходят тут всякие Сашеньки...

К тому времени, как он оборачивается и находит меня взглядом, я уже почти рядом с ними.

– Никита Александрович?

– А попрощаться? – подмигиваю я ему и нет, совсем не смотрю на Крис.

Это же надо додуматься! Понятно, лето, но, блин не такое тёплое, чтобы переться по лужам в клеёных кроссовочках! И с голыми, до середины бедра, ногами. И без куртки. И...

Всё, опять клинит.

– Простите, – настороженно отзывается Данька, – кажется, я забыл.

– Главное, что я не забыл, – фыркаю весело. – Настоящий мужик, ты куда повёл маму в самый ливень? Промокнете же!

Данька раз-другой хлопает ресницами, молча переводит взгляд за окно, а потом и на кроссовки Крис. И только после этого возвращается ко мне.

– Дождь, – вздыхает он. – Мам, может такси?

– Дань, да какое такси! – выдыхает смущённая Крис. Смущённая мной или заботой сына? Хотя какая разница, если в обоих случаях реакция неправильная. – До остановки два шага, а у тебя капюшон.

– А у тебя?

Мужик так мужик! Сразу просёк фишку, потому что под такой дождь в футболке и коротком сарафане это перебор.

За нами начинают собираться решившие, наконец, промокнуть родители.

– Я вас подвезу, – обещаю обоим сразу, подталкивая упирающуюся Крис в сторону тамбура.

– У тебя же кресла нет, – отпирается она. – Детского.

– У меня есть племянники, – не даю ей соскочить.

Данька догадливо открывает дверь, а я сразу раскрываю над Крис зонт, чтобы ни одна капля не попала на охренительно длинные и абсолютно свои ресницы.

– Ты специально? – тихо шипит Крис, стоит Даньке в своём капюшоне отойти за пределы зонта.

– Мне, конечно, льстит, – улыбаюсь я, шалея оттого, что могу прижать её ближе, – но погода не мой профиль.

– А твой тогда что? – раздражённо фыркает она.

Мы подходим к машине, на которую десятью секундами раньше я кивнул Даньке. Нажимаю на брелок, глазами показываю ему на левую заднюю дверь.

– Данил, садись, там бустер. Пристегнёшься сам?

– Легко, – пожимает плечами он.

Пользуясь тем, что зонт и я отгораживают нас от Даньки, разворачиваюсь спиной к машине, притягивая её в объятие.

– Ты – мой главный профиль, Крис.

И от того, что она вся такая тёплая и подвижная под моей ладонью, в мозгу пушки, бомбы, фейерверки и вот это всё. А у неё мышечная судорога.

Чёрт!

– Ты замёрзла. – Чтобы девушку завести, её сначала нужно разогреть. Или согреть, как сейчас, и, заглянув Крис в глаза, я недовольно хмурюсь. – Быстро в машину!

Глава 5

К дому Крис подъезжает снова недовольная и подозреваю, что моим самоуправством. А что делать, завела поклонника, теперь терпи.

Хмыкнув, я паркуюсь там, куда указывает длинный пальчик с нежно-розовым маникюром.

– Спасибо. – Громко щёлкает ремень, и Крис оборачивается назад. – Дань, на выход.

– Ага, – соглашается тот, но притормаживает, открыв дверь машины. Благо дождь закончился за два перекрёстка до их дома. – А хотите посмотреть новый конструктор? Мы вчера купили.

Неожиданное предложение, но капец какое своевременное.

– Дань, – включается в роль правильной мамы Крис, – Никита... Александрович и так очень нам помог, ему надо ехать по своим делам. Да и время уже...

– Да? – явно расстраивается Данька. – Ну, ладно, папе потом покажу.

И вот это «потом» и «папе» выбивает из меня всю сознательность. Вместе с желанием не напирать на Крис, а растянуть удовольствие, дать ей привыкнуть к мысли, что всё, с этой подводной лодки ей уже никуда не деться.

– Если твоя мама не против, – глядя исключительно на Крис, – то показывай, я сегодня никуда не тороплюсь.

– Ма-а-м? – с надеждой тянет настоящий мужик, и она теряется.

То есть в квартиру меня пускать не хотим, но и сыну отказать не можем?

– Дань, время уже много, тебе спать через полчаса.

– Я быстро, – клянётся он, – только полицейский участок покажу и те наборы, помнишь? Которые дорогие.

Сомневаюсь, что у Крис нет денег на конструктор. Подозреваю, что это был всего лишь аргумент против покупки очередного набора, но мне это играет только на руку.

Да, нечестно. Да, нагло. Да, мне плевать.

Потому что ни отпускать, ни давать ей отгораживаться я не собираюсь, а, значит, общение с Данькой не помешает. В том числе в качестве весомого аргумента за, и речь ни разу не о покупке конструктора.

– Даня, – укоризненно качает Крис головой.

– Пожалуйста, пожалуйста, пожалуйста! – строит глазки тот почище мультяшного кота.

– Ладно, только быстро, – сдаётся Крис после нескольких долгих мгновений тишины. – Очень быстро, ты понял, Дань?

– Спасибо! – бросается он ей на шею, что в условиях машины так себе идея. – Ты лучшая мама в мире! Самая умная, самая красивая, самая любимая, самая-самая!

А вот тут согласен по всем пунктам.

– Вылезай уже, донжуан! – фыркает довольная Крис и вспоминает обо мне. Прикусывает губу, смотрит растерянно и смущённо. – Прости, Данька бывает...

– Настойчивым, – помогаю с определением, жирно так намекая на себя.

И умная девочка Кристина понимает намёк, а потому недовольно поджимает губы и, взглянув на меня последний раз, выходит из машины.

Квартира, где живут Крис с Данькой, ещё недавно явно была семейным гнездышком. Потому что общие фото в красивых рамках, неподписанные картонные коробки в коридоре и общая атмосфера уюта и покоя.

Бесит.

– У вас мило, – замечаю с улыбкой и снимаю кроссовки в прихожей.

– Спасибо, – мгновенно отмораживается Крис и, сразу же переворачивает свадебную фотографию фото вниз.

Зря, кстати. Маленькая и хрупкая в воздушных кружевах, она будит волнующие фантазии и ни разу не на тему секса.

Всё, Воскресенский, попал ты так, что не пробиться.

– Никита, Никита!..

– Александрович, – строго добавляет Крис, и Данька тушует. Ладно, скажу, что мне нравится, когда он зовёт меня по имени, попозже.

После нашей такой фотографии в стильной рамке.

– Никита Александрович, идёмте! – И Данька ведёт меня по коридору в детскую, где космическая стена с нарисованными планетами, игрушки, стол и всё, что только можно для мальчишеской комнаты мечты.

И я послушно смотрю, слушаю и вникаю во всё, что он хочет мне показать. И восторгаюсь собранным, действительно большим, полицейским участком. И, незаметно для себя, увлекаюсь игрой, забыв про время.

Пока нас не отвлекает Крис.

– Дань, – предупреждающим тоном, который я помню ещё по своему детству. – Ты обещал быстро.

Интересно, это какие-то курсы для мам? Специализированные, где учат управлять детьми одной только интонацией?

Потому что, только услышав, мне самому хочется вскочить, вытянуться и отпрапортовать, что всё, игра закончена, иду чистить зубы и в кроватку. Вот только в кроватку мне бы не в одиночестве... И не то чтобы я заиклился на сексе, мне бы хватило просто проснуться и увидеть её рядом. Спящую, беззащитную. Узнать, какого это, просыпаться рядом с Кристиной Батмановой. И убедиться, что я готов встречать так каждое утро.

Хотя увидев её в широких домашних брюках и коротком топе с длинными рукавами, я готов уже на всё. В том числе и отдать на растерзание свой паспорт, чтобы получить лучший в мире штамп.

– А уже всё? – расстраивается Данька, у которого только что из тюрьмы сбежал преступник имени меня.

– Всё. Есть будешь?

Это она специально меня игнорирует? Если да, то задача заранее обречена на провал, потому что без кофе я точно не уйду, а что там будет дальше...

От предвкушения ёкает где-то в районе солнечного сплетения. И, в отличие от обычного напряжения в области паха, это ёканье какое-то правильное и тёплое, что ли. Настолько, что рабочая, а потом и тренировочная усталость проходят, словно их и не ночевало.

– Не хочу, – коротко мотает головой Данька.

– Тогда собирай всё, чисти зубы и спать. – Крис вздыхает, обзревая нашу тюрьму с забором в виде мягких игрушек. – Никита, вы чай будете?

Вы?

– Мы будем, – хмыкаю под её нечитаемым взглядом и быстро помогаю Даньке собрать бардак.

Ну, как помогаю, скидываю все мягкие игрушки обратно в корзину и ставлю участок на стол.

– Спасибо, – шепчет Данька, видимо, чтобы не услышала Кристина с кухни, куда ушла варить мне кофе.

– Пожалуйста, мужик, – также отвечаю я, подмигиваю и, поднявшись, иду на звуки брелчания.

Которое не прекращается, потому что у Крис всё валится из рук. Сначала ложка, потом вторая, потом она долго и мучительно ищет турку. Ставит её на конфорку и ищет ложку, которая лежит прямо перед ней. Тянется к чайнику, вспоминает, что мы договаривались на чай, убирает турку и, чертыхаясь, щёлкает тумблером.

И натывается на мой ни разу не вежливый взгляд.

Потому что чёрта с два так дёргается женщина, которой всё равно, на какой бы стадии развода она ни находилась. И от понимания вот этого всего в голове пусто, в паху тяжело, а сердце бухает так, как ни разу не бухало после тренировки.

– Ма-а-м, я почистил, – отчитывается Данька, просунув вихрастую светлую голову между мной и косяком двери.

– Точно? – становится собой Крис, с прищуром глядя на сына.

– Да-а-а, – закатив глаза, тянет тот, – а книжка будет?

– Дань, – неуверенный взгляд на меня. – Давай сегодня без книжки? Ты иди ложись, а я напою кофе... чаем твоего гостя.

Гостя. Твоего. И на «вы».

Ой, нарываешься вы, Кристина Батьковна.

– Ну, ладно, – тяжело вздыхает Данька. – Спокойной ночи, Никита Александрович.

Вежливость – это прекрасно, как и то, что Крис целует сына в макушку, тепло улыбаясь. А если я пожелаю спокойной ночи, меня тоже поцелуют?

– Отдыхай, мужик. – Подставив пятерню, я чувствую удар и слышу топот ног, уже ни разу не маленьких.

– Чай?

И мы пьём чай, сидя друг напротив друга за столом среднестатической, но уже не хрущёвской кухни. Молча пьём, и если я смотрю на Крис, то она исключительно себе в кружку. Большую, широкую, с ежом и невидимой мне надписью.

Серьёзно думает, что я допью, скажу спасибо и исчезну с её горизонта?

– Как Данил сегодня отзанимался? – Наконец, поднимает она взгляд.

– Хорошо, ребята прекрасно его приняли.

Ок, играем по твоим правилам. Тем более что того чая у меня ещё больше половины кружки.

– А могли не принять? – вдруг становится беспокойной Крис.

– Футбол – спорт не легче гимнастики, – пожимаю я плечами. – Но со мной не принять не могли.

– Что это значит?

От желания разгладить тревожную складку между бровей чешутся руки. И губы.

– Ничего такого, о чём тебе стоило бы беспокоиться.

– И всё же?

Крис встаёт, отходит к раковине и занимает руки бесполезной ерундой. Потому что ополаскивать кружки это так себе занятие, когда рядом у тебя встроенная посудомойка.

Нервничает? Переживает за Даньку? Или за себя?

– Твоего сына взял под крыло главный хулиган команды, – тихо хмыкаю в маленькое ушко, встав за её спиной и обхватив ладонями её руки. – Всё будет отлично, Крис, верь мне.

Пальцы вздрагивают, когда я переплетаю их со своими, но она не убегает, не посылает меня во все стороны разом и в целом застывает, когда я обнимаю крепче, прижимаясь грудью к её спине.

Пульс сбивается, уносясь в заоблачные высоты, но я продолжаю контролировать каждое своё движение. Почти каждое, когда прикусываю мочку её уха, едва не слетая с катушек. Потому что вместо сковородки по башке её пальцы только сильнее сжимают мои.

– Кри-ис...

Лёгкие ласки заканчиваются в тот самый момент, когда я прикусываю нежную кожу шеи, с трудом удержавшись от того, чтобы поставить красочный засос. Данька очень любознательный и без вопросов не обойдётся. Поэтому вместо собственнического клейма – дорожка поцелуев, от которых с прерывистым выдохом Крис откидывает голову мне на плечо.

– Уйди...

Да проще сдохнуть.

Всё моё существо сейчас нацелено только на неё. На девятнадцатилетнюю тогда девочку, которая эти годы беспокоила, постоянно вспоминалась и не давала покоя до такой степени, что бесила. Бесила, пока до меня не дошло почему именно.

– А если не уйду?

Резко развернувшись, она сверлит меня взглядом, который переворачивает мне всё – мозг, сердце, душу. И не знаю, что во мне находит, но Крис сдаётся, с тихим обречённым стоном обняв за шею и первой коснувшись губами моих губ.

Глава 6

Хьюстон, у нас проблемы.

Вжав её в себя, я схожу с ума весь и разом. Вот оно, значит? как – целоваться с Кристиной Батмановой. Настолько правильно и голодно, словно я всю жизнь бродил по грёбаной пустыне в поисках единственного источника воды – единственного такого, как надо мне.

И где там её дурацкое «вы»?

Приподняв за аппетитные ягодицы, сажу Крис на столешницу. Гремят кружки-сковородки, и на мгновение мы замираем, рвано дыша и глядя друг другу в глаза.

Да, понять, что Данька ушёл спать не так давно, мне мозгов хватает. Хотя только на это и хватает, потому что несколькими секундами спустя Крис расслабленно выдыхает, перестаёт прислушиваться и сама притягивает меня ближе, обняв ногами за талию.

– Крис, ты...

Но она не даёт договорить, притянув за шею и глубоко целуя. Без прелюдий, без нежности, словно в этой пустыне путник не я один. И сталкиваются языки, одним только этим взрывая у меня в голове весь мой оборонительный комплекс.

Если бы я знал, что она так целуется, в жизни не подошёл бы ни к одной другой женщине.

Лицо, шея, грудь, мне мало одних только поцелуев и, стянув с неё топ, я замираю, контуженный напрочь всем этим великолепием. Потому что идеальную грудь поддерживает идеальный кружевной бюстик и всё это на идеальном теле моей идеальной женщины. Рехнуться можно!

И я вполне себе того, удерживая её под грудью так, чтобы большие пальцы доставали до самого сладкого. Стягиваю кружево, обнажая упругую грудь, и лишаюсь последних зачатков мозга. И совести.

Потому что вместо рук – губы и язык. И ладонь Крис – выгнувшейся, отклонившейся назад и запустившей руку в мою отросшую шевелюру.

– Ни-и-к! – От её горячего шёпота и от того, как нежные пальчики тянут за основание волос, по телу проходит первая судорога удовольствия.

Чёрт, так мы даже до секса не дойдём.

Выпрямляюсь, перехватываю её руки за запястья и завожу их ей за спину. И выдыхаю сквозь зубы, когда Крис вжимается в меня грудью.

– Спальня? – на выдохе.

Прямой, затянутый желанием взгляд заставляет стиснуть зубы в последнем волевом усилии. Усилии, чтобы не взять её прямо на этой дурацкой кухне, где на холодильнике их семейная фотография и Данькины рисунки, а в мойке большая чёрная кружка с надписью Big boss. З-з-зараза.

Так – не хочу. Только не её.

От кретинских мыслей самому становится страшно, но всё, поезд ушёл, целуйте рельсы. Азарт, страсть и похоть откатываются в никуда резко, неожиданно и что уж говорить не вовремя – словно мяч от ворот противника за мгновение до гола. И её трезвеющий взгляд становится отражением моего.

– Мы не... – Запнувшись, Крис смотрит на свои руки, одна из которых лежит у меня на плече, а вторая обнимает за шею.

Мы очень даже да, но не здесь. Не на семейной кухне и, тем более, не на постели, где она миллионы раз занималась сексом с мужем. Нет. Хрена с два моя психика это выдержит.

Потому что Кристина пока ещё Батманова в тот момент, которого я столько ждал, должна быть только моей Крис.

– Завтра у Даньки репетитор?

– Что? – Крис встряхивает длинными тёмными волосами. – При чём здесь это?

– А притом, что завтра. – Ласкающим движением поправив кружево бюстье, я задеваю мгновенно затвердевшие соски и хрипну. – Завтра мы идём на свидание, Крис.

Удерживая её, приближаюсь, чтобы языком пройтись по очень сладкой нижней губе. Под будоражащий фантазию и всё, что ниже «А-ах!» Ловлю её дыхание. Глохну от коготков, вцепившихся мне в загривок. Пьянею весь и разом оттого, что она в моих руках.

– Идём ведь, Крис? – шёпотом, целуя, игриво сталкиваясь с её языком...

... и тормозя себя как никогда в жизни.

– Нет, – ехидничает Крис и со стоном выгибается, стоит моим ладоням переместиться на её талию и вжать упрямую мечту в свой пах.

– Уверена?

– Нет, – на выдохе прикрывает она глаза и откидывается назад, насколько позволяет верхний ящик.

– Всегда тебя хотел. – Капитулировать, так с фейерверком. – Только тебя, Крис... чуть с катушек не слетел, когда увидел тебя в том грёбаном лифте.

– Откуда ты там вообще взялся на мою голову? – тихо смеётся она, нежными пальчиками водя по моей шее. До мурашек и нового горячего спазма.

– Это судьба, – хмыкаю насмешливо, зарываюсь ладонью ей в волосы. Тяну за основание прядей, заставляя поднять голову. – Завтра. Свидание.

И не даю ей опустить растерянный взгляд.

– А...

– С Данькой, – сразу отсекаю все её причины тактично отъехать. – Что он любит? Кино? Атракционы?

Пока Крис думает, одной рукой я прижимаю её за талию, а второй тянусь за телефоном.

– Что ты?.. – направляю экран на неё, снимаю блокировку и нагло лезу в контакты.

Записать «любимым»? Хмыкаю, всем телом чувствуя, как она напряглась и записываю себя по имени-фамилии. Чтобы исключить всякое недоразумение, а то один любимый у неё там уже есть, даром, что муж и бывший.

– Напиши мне завтра, – прошу, целуя в основание шеи и вдыхая только её аромат. Сладкий и манящий, как вся Крис. – Или сегодня, что нравится Даньке, я организую. И, вообще, пиши по любому поводу, даже если просто скучно. А если позвонишь, обещаю мороженое.

– Мороженое? – гулко сглатывает Крис, кажется, понимая меня и так.

– Обещаю купить и слизать его с тебя всё до последней капли. – Последнее слово – жарким шёпотом ей на ухо.

– Зачем тебе это?

– Потому что я хочу по нормальному, Крис. – В ювелирку, что ли, заехать? – По-человечески, чтобы тебе не пришлось объяснять сыну, что за левый дядька крутится рядом.

– Так не крутись!

Ого! Оказывается, она может и так – строго, предупреждающе, на грани того, чтобы оттолкнуть. Кто бы только ей дал.

– Размечталась! – С тихим смешком.

А глубокий, тягучий и серьёзный поцелуй становится гарантом нашего свидания, первого из многих, тем более что кое-какие идеи насчёт завтра у меня уже есть.

Отстраняюсь, понимая, что ещё чуть-чуть и себя я явно переоценю. Разворачиваюсь, чтобы свалить в прихожую, мгновенно обуться и аккуратно прикрыть за собой дверь квартиры.

– Никита Александрович, вам там документы на подпись передали. – Аня доходит до стола, кладёт тёмную папку и остаётся ждать, пока я дощёлкиваю «Косынку».

– Прямо на подпись? – тяжело вздыхаю и тянусь к папке. – У нас что, почта отказала? А-а... понятно.

– Вы же знаете, Константин Александрович не любит почту, – почти извиняется Аня смущаясь.

Ну да, ну да, Константин Александрович у нас знатный разбиватель и охмуритель девичьих сердец. Не гадь там, где работаешь, с ним не срабатывает. Зато бумажки мы любим... до того любим, что весь архив только его отписками и забит.

– Знаю. Спасибо, Аня, иди.

– А бумаги? – Распахивает она зелёные наивные глазища.

– Я сам потом передам.

Поверх выигранной партии высвечивается новое входящее. Так-так... Быстро пробежав глазами текст, я довольно хмыкаю – Даньке понравится, а у меня будет время на общение с Крис. Прекрасный план, просто прекрасный. И, улыбаясь, я открываю «Паука».

– Ник!

Не впечатлившись братским рыком, продолжаю раскладывать пасьянс. Заодно и очередное спасите-помогите от начальника айтишников смахиваю. Достали. Пусть сначала научатся железом пользоваться, а потом орут, что виноват сервер.

– Ник, какого хрена?

– Что опять не устраивает Его Величество Константина Александровича? – отзываюсь насмешливо, положив девятку пик на десятку.

– Где мои сметы? Твоя Аня что, так их и не донесла?

– *Моя* Аня, – ироничным взглядом по идеально выбритому Коту в идеальном костюме и идеально начищенных ботинках, – всё и всем всегда доносит. В отличие от твоей Дарьи Васильевны, у которой память закончилась на двадцати видах варки кофе. И всё, прощ дальше не фурычит.

– Зато хоть кто-то в этом офисе нормально выглядит, – кривится Кот.

– Да, – киваю согласно, – и хоть кто-то нормально работает. Иначе с твоей Дарьей Васильевой весь офис бы загнулся.

– Он и так загнётся! – снова рычит Кот. – Где сметы и акты по серверам, которые ты, балда, уже две недели мурыжишь? Я как тебе должен баланс сводить? Фантики в отчёты подсовывать?

– Да ладно тебе... найдутся.

Мда, нехорошо получилось. И ведь подписывал и даже положил куда-то, чтобы потом ему отдать, но куда именно... Помнится, это было на следующий день после встречи с Крис, так что вспоминать без толку, мысли витали вообще не там.

– В смысле найдутся? – Резко подаётся вперёд Кот, громко щёлкает пальцами у меня перед носом. И опасно понижает голос, так мы все у него без премии в этом месяце останемся... – Никита, ты охренел? В каких грёбанных облаках ты вечно витаешь?

– По облакам у нас Еся спец, – хмыкаю в ответ и со вздохом закрываю удачно сложившийся пасьянс. – Это он живёт в самолётах и вирте, не я. Где он, кстати, сейчас?

Откинувшись на спинку стула, расстегнув пуговицу тёмно-синего пиджака, Кот вдруг устало трёт переносицу.

Да, весёлое из нас получилось трио. Братцы-кролики, чтоб нас. На заре бурной юности, поддавшись на уговоры ещё нормального тогда Кости, мы с помощью отца и кредита сотворили фирму, которая по замыслу должна была заниматься информационной безопасностью. И занималась, пока Еся, которому надоело ваять третий по счёту апгрейд придуманного им же антивирусника, не занялся сначала одни софтом, потом другим, потом влез в веб-дизайн, а потом...

Потом мы с Котом задолбались гоняться за полётом мысли нашего семейного гения и сделали фирму многопрофильной. Еся по-прежнему занимался программированием, я отвечал за железо, а во всём этом дерьме прикрывал нас Кот.

– А я знаю? – рычит Кот. – Три дня назад он был в Китае, неделю назад на Кубе, а месяц назад в Африке. Он же гений, мать вашу, его же хрен отследить, если он не захочет.

– А мама? – фыркаю я и подаюсь вперёд. – Ей он тоже лепит всю эту фигню?

– А она не спрашивает, – кривится Кот. – Ей глубоко всё равно где её любимый младшенький, лишь бы был здоров, весел и не забывал про носочки. В отличие от нас, маме он звонит через день и по видеосвязи, чтобы не волновать.

– Зато нас волновать можно, – хохотнув, я откидываюсь на спинку стула, переплетая пальцы.

– Можно, – Кот явно с трудом сдерживается от мата. – У него, блин, доверенность заканчивается, так что если через месяц эта с-с-ко... младшенький не появится, у нас полфирмы встанут.

– А я-то думаю, чего ты истеришь последнюю неделю. – Смех раздраконивает брата ещё больше. – Да появится он, куда денется, – отмахиваюсь я и возвращаюсь к компу. – Всегда объявляется, день в день точно, чтобы гарантированно довести тебя до психоза.

– Ремня бы вам обоим, – уже беззлобно ворчит Кот и поднимается. – Будешь писать, скажи, что хрена с два в этот раз я буду договариваться с юристом. Пусть Еська, если хочет развлекаться, сам всё это организывает.

– Обязательно, – хмыкаю в ответ.

Можно подумать, Коту не нравится всё организовывать и нас строить. Это понимает он, это понимаем мы, потому и продолжаем выезжать на братской шее.

– И, Ник, сметы! – уже открыв дверь, напоминает Кот.

– Ага, – отмахиваюсь я, развернув незакрытую страницу, где ружья, пистолеты и мишени. И довольно прищуриваюсь, точно зная, что Данька будет в восторге.

Глава 7

Нервно взглянув на часы, я последним усилием воли заставляю себя остаться на месте. Продолжаю стоять, опершись бедром о крыло машины. Как пятиклассник на первом свидании, ей-богу!

Хотя так и есть, действительно на первом, до этого мне как-то не приходило в голову водить девушек на свидания. Нет, были одноразовые знакомства, были ужины с ресторанами, плавно перетекающие в такси на завтрак, но Крис... Крис другая. Её хочется кормить сладкой ватой, хочется выигрывать ей медведей, хочется целовать, тискать и заставлять смеяться.

Хочется видеть искрящийся тёплый взгляд, почувствовать её дыхание на своей шее и долго обниматься в постели по выходным.

Хмыкнув, я отмахиваюсь от голливудских шаблонов.

Долго обниматься можно и в будни, мне в шесть утра не подсказывать, а всё остальное... всё остальное хочу и получу, чего бы это ни стоило.

Дверь подъезда открывается в очередной раз, заставив выпрямиться и напрячься. И в этот раз вместо недовольных пенсионерок, подружек-подростков и мам с колясками выходят они – не по возрасту взрослый Данька в оранжевой кепке и ярких кроссовках, и Крис. Крис, от которой сбивает дыхание, напрягаются мышцы, а мозг медленно, но верно скатывается в восхищение. Больше ничего адекватного при ней он генерировать не в силах.

– Прекрасно выглядишь. – Приобняв её и легко поцеловав в щёку, я смотрю на Данькину реакцию.

– Спасибо, – немного растерянно улыбается она. В ответ не обнимает, руки безвольно висят вдоль тела, но ничего, над приветствием мы ещё поработаем. – Ты не сказал куда мы.

– Хоть куда, главное отсюда, – ворчит Данька, оставаясь равнодушным к нашим объятиям.

– Что, зарепетировали тебя, мужик? – хмыкаю весело, протягивая ему руку.

– Ага, – без настроения отзывается тот.

– Дань, а поздороваться? – возмущается Крис.

– Здравсте. – Протяжно вздыхает Данька и залезает в открытую мной дверь.

– Устал? – обернувшись к Крис, я с улыбкой киваю на машину.

– Даже не спрашивай, – отмахивается она.

Мыслями всё ещё в своих заботах опирается на мою руку и садится на переднее пассажирское.

Ещё доказательства нужны? Мне нет. Потому что джип не такой уж высокий, чтобы она не справилась сама, но Крис бессознательно предпочла мою руку, не осознав этого, даже когда я захопываю за ней дверь.

– Никит, – начинает она так, чтобы не слышал Данька, стоит мне сесть за руль, – это всё-таки как-то слишком. Надо было раньше написать, что ничего не получится, но...

– Дань, – перебиваю, не отрывая от неё прищуренного взгляда, под которым Крис словно мышь перед удавом. Так – не хочу, но если сейчас дать волю всем её «нельзя» и «что подумают люди», то наступит полный звездеч. – Ты когда-нибудь видел настоящее оружие?

– Оружие? – эхом отзывается тот. – В смысле пистолет?

– И это тоже, – хмыкаю, внаглую пользуясь детским любопытством.

– Мам, мы поедem смотреть пистолеты? – мгновенно загорается Данька, высовываясь в проём между сиденьями. – Ма-а-м?

– Поедем, Дань, – всё ещё смотря только на Крис, отвечаю я под детское восторженное: «Ура!»

В то время как от восторга в Крис недовольный взгляд, поджатые губы и складка на лбу.

А что ты хотела, мечта моя? Чтобы я вот так просто взял и купился на всю твою после-разводную неуверенность? Хренушки.

– Только недолго, – хмуро пытается вернуть себе контроль над ситуацией Крис.

Ага, ты не мне, ты это своему сыну скажи, который от нетерпения прыгает на заднем сиденье.

Данька в восторге, я в восторге, даже Крис нравится, хотя она продолжает строить неприступный вид. В отличие от неё, ребёнок пользуется каждой возможностью – и почистить вальтер, и посмотреть на сбор-разбор, и пострелять по мишеням, и послушать мини-экскурсию от явно увлечённого делом инструктора.

Мой восторг другого рода.

Он мягкий, тягучий, захлёбывающийся слюной от каждого случайного касания. Оттого, что можно обнять её просто потому, что я стою рядом. От того, как Крис опускает глаза и старается не встречаться со мной взглядом. От того, как нежная ладошка ложится поверх моей руки, как бы останавливая.

Как бы, потому что кожа Крис покрывается мурашками от каждого моего собственнического жеста.

– Мам, смотри! – эхом на весь зал звучит Данькин шок, когда ему вручают ружьё, от веса которого настоящий мужик даже не прогибается.

– Класс! – улыбается Крис, в сотый убирая мою руку со своей талии.

– Страшно? – Пользуясь тем, что Данька погружён в объяснения инструктора, я встаю за её спиной, целую пониже уха. И улыбаюсь, чувствуя приятную тяжесть в паху.

– Пф, – фыркает она. – Почему я должна тебя бояться?

Меня? Не-е-т, не обо мне речь.

Шагнуть назад, утянуть её за руку. Чтобы остаться наедине в тёмном подвальном коридоре, отгороженными от Даньки полуоткрытой дверью.

– Себя, Крис.

– Себя? – Выдёргивает ладонь Крис и опирается о стену, на заведённые за спину руки. – С чего бы это?

Её самоуверенный взгляд осязаемо скользит по моим плечам, спускается к груди и ниже, заставляет пульс биться в барабанных перепонках.

– Не с чего? – Шагнуть ближе, прижать своим телом к стене, почувствовать жаркое, с ароматом мятно-арбузного леденца, дыхание на своих губах.

И получить колоссальное, ни с чем не сравнимое удовольствие от этой игры.

– Нет, – улыбается Крис.

И с этой же загадочной улыбкой приподнимает край моей футболки.

Каюсь, поначалу я даже дёргаюсь, краем уха продолжая отслеживать происходящее внутри тира. Не ожидаю от неё такой прыти. И сцепляю челюсти, когда игривые пальчики лёгкой лаской проходят по спине.

В штанах бардак, в голове тоже, но, контуженный её смелостью мозг, всё же успевает напомнить, что мы не в супружеской спальне.

И первые мгновения бесшабашного, торопливого поцелуя стираются из памяти, выкидывая в реальность, когда, держа за упругие ягодицы, я прижимаю Крис к стене, до темноты перед глазами вжимая её в себя.

– Кри-и-с, – на выдохе и рвано сглотнув слюну. – Я же так кончусь прямо здесь!

Вместо ответа поцелуй – сладкий, остающийся на губах словами будущих обещаний. А они ведь будут, эти обещания? Потому что не знаю как ей, но мне даже отжимания уже не помогут.

– Терпи, казак, – нежно шепчет она мне на ухо, пока я пытаюсь отдышаться. – Любовником будешь.

И вот после этого всего Крис легко отталкивает мои руки, спрыгивает на бетонный пол и, поправив сбившийся топ, собирается обратно. Серьёзно? Вот так просто?

– Кем? – за руку дёрнув на себя, ловлю её в объятие.

– Любовником, – прикусив губу, повторяет она как ни в чём не бывало и пальчиком ведёт по бьющейся на моей шее жилке.

– Не устраивает, – коротко мотнув головой, я опускаю руку ниже, до того места, где круглая ягодица идеально ложится в ладонь. – Уточним детали?

В её взгляде появляется интерес, но это не мешает Крис вздёрнуть бровь, высвободить ладонь и отступить.

– Не уточним.

– Кри-и-с. – Обожаю её имя. – А ты в курсе, что...

Настойчивый, с мелодией из «Бригады» громкий звонок раздирает всю соблазнительную атмосферу и, чертыхнувшись, я отвечаю брату.

– Вот вообще не вовремя, Кот. – Не отрывая взгляда от многозначительной улыбки Крис.

– Я хоть у кого-нибудь из вас, придурков, бываю вовремя? – рычит тот ни разу не притворно.

– Что на этот раз? – Вздыхаю, жестом извиняюсь перед ней и быстрым шагом иду к выходу. – Еська нашёлся?

Обычно он так рычит после разговора с младшеньким, требуя сатисфакции хотя бы в моём лице.

– Хрена с два! – всё ещё бесится брат. – Это всё ты со своими проповедями!

– Я-то каким боком в ваших трениях? – хмыкаю я в ответ, подняв голову и изучая собирающуюся над районом тучу.

Тяжёлую, тёмную, грозящую очередным ливнем. А Крис в джинсах. Как чувствовала...

– Дарья ушла! – Идёт на новый заход Кот. – У меня сделки, три совещания и хренова туча звонков, а она взяла и ушла. Без отработки, без выплат. Принесла грёбаное заявление, подписанное кадровиками, и отказалась выходить завтра.

– Урок на будущее, Кот, – весело фыркаю я и отступаю под козырёк, ощутив первую холодную каплю, упавшую на загривок. – Даже твоя хваленая Дарья Васильевна не выдержала дресс-кода и темпа твоей работы.

– Ты поучи меня ещё!

– Не буду. – По невысохшим со вчера лужам начинает барабанить дождь. – Но моя Аня уже пятый год работает, а ты сменил... сколько уже?

– Да какая разница, – явно кривится он.

– Сколько, Кот?

– Шестерых, – цедит тот.

То есть не все доживали даже до отпуска.

– Что думаешь делать?

Вернуться бы, но раз Кот звонит, он в крайней степени бешенства, а таким брата бросать не хочется, как бы ни тянуло обратно. Потому что Кот реально вытягивает большую часть дел, включая маркетинг. Без него мы не добились бы и половины прибыли.

Но вместо ответа – несколько нецензурных слов и тяжёлый вздох.

– Мне, блин, завтра с Олегом Ивановичем встречаться, а эта... секретарша хрен пойми куда засунула договор на работы и акты приёма-передачи.

– Кот, – хмыкаю я, качая головой, – всех своих безработных знакомых я тебе уже рекомендовал. Помнится, никто из них тебя не устроил и к твоим высоким требованиям не подошёл.

– Одолжишь мне свою Аню на день? – переходит он, наконец, к тому, зачем и звонил.

Влюблённую в него Аню? Хрена с два! Я же её не вытащу потом оттуда! И сам лишусь секретаря, в отличие от Костиных однодневок – постоянного.

– Нет.

– Ник, ты издеваешься? Не убудет от тебя, – снова раздражается Кот. – Ты всё равно ни хрена не делаешь целыми днями... вон даже акты мне не можешь подписать.

– Всё равно нет, но я подумаю, что можно сделать.

Сброс вызова обрывает возмущённого брата на середине фразы и, выбросив работу из головы, я возвращаюсь в тир.

– Как успехи? – спрашиваю у восторженного, с горящими глазами и расширенными зрачками Даньки, который только-только снимает наушники. Они ему, конечно, великоваты, но никого это не смущает.

– Я попал! – Едва не скачет он по всему подвалу. – Попал!

– Попал? – Оборачиваюсь к стоящему рядом инструктору.

– Дважды в семёрку, – с улыбкой кивает тот, убирая оружие.

– Вот это мужик! – схватив Даньку, подбрасываю его, чтобы не задеть невысокий потолок и, поставив на пол, подставляю ладонь.

– Спасибо! – хлопает он пятернёй по моей. – Мам, мам, ты видела?!

– Видела, Дань, ты умничка!

Это нормально, что, когда она так улыбается, мне хочется от Крис ребёнка? А, когда ерошит волосы сына и целует в макушку, я хочу оказаться на месте семилетнего мальчишки?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.